

ПЕРЕХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ Геоидеологический фактор в глобальных развитиях

Гагик Арутюнян

Установившееся между основными конкурирующими геополитическими акторами динамическое равновесие можно представить как этап перехода от квазимонополярности к квазимультиполярности. В этой ситуации точные прогнозы принципиально затруднены вследствие идеологизированности политического пространства. Это обстоятельство наиболее явно заметно в стратегии США, в которой к классическим геополитическим и геоэкономическим положениям прибавились геоидеологические тезисы.

Попытки контролировать новые, важные с геополитической точки зрения территории посредством «революционных» технологий с идеологической формой и более слабо выраженным идеологическим содержанием напоминают политику СССР по «экспорту социализма» и «сохранению чистоты принципов социализма». Подобные действия в стратегической перспективе дискредитируют идеологические установки, вызывают сопротивление у других геополитических акторов. В результате формируются центры силы со своими собственными представлениями о существующем миропорядке. В качестве подобного центра сегодня многие воспринимают Китай, идеологические концепты которого более чем конкурентоспособны. При деятельном участии КНР сформировалась также Шанхайская организация сотрудничества. ШОС значительно активизировала свою деятельность и сумела эффективно прореагировать в условиях известной «революционной» ситуации в Узбекистане. Подобное развитие «Большой игры» в Центральной Азии можно воспринимать как вызов нынешнему квазимонополярному миропорядку.

Введение

Сегодня значительная часть текущих политических процессов продиктована или обусловлена унилатеральной стратегией Соединенных Штатов. Эта политика аргументируется тем, что действующие по сетевому принципу и обладающие широкими возможностями террористические организации и поддерживающие их страны угрожают безопасности США и всему цивилизованному миру в целом. Вместе с тем бесспорен также и антитезис, согласно которому США в своей глобальной стратегии исходят из собственных интересов и борьба с терроризмом – удобный повод для решения своих политических и экономических задач.

Создавшаяся ситуация инспирирует остальных геополитических акто-

ров на противостояние давлению сверхдержавы и разработку собственных подходов, направленных на минимизацию ущерба, наносимого американской политикой. Развития в этой сфере свидетельствуют о том, что последовавшее за биполярностью времен Холодной войны монополярное (тут, скорее, более адекватен термин *квазимонополярное*) мироустройство трансформируется в мультиполярную структуру. Вместе с тем, на нынешнем этапе между конкурирующими силами установилось динамическое равновесие, представляющее собой некий симбиоз многоуровневых моно- и мультиполярной структур. Это положение можно назвать *квазимультиполярным*.

Упомянутое состояние динамического равновесия может сохраняться еще довольно долго. Глобальный и потому очень сложный характер такого переходного состояния принципиально затрудняет корректные прогнозы о тенденциях развития и о будущем. Как следствие предлагаемые разными исследовательскими центрами или экспертами футуристические сценарии (например, относительно 2020г., которому многие придают ключевое значение) зачастую принципиально противоречат друг другу.

Разнообразие сценариев будущего способствует также то, что большинство аналитиков учитывает в глобальных развитиях изменения экономических показателей, однако зачастую игнорирует несколько иррациональные, а потому трудно поддающиеся расчету идеологические и духовные факторы. В контексте вышесказанного актуализируется попытка оценить роль идеологического фактора в политике нынешней «державы номер один» – Соединенных Штатов Америки.

1. От геополитики к геоидеологии

Некоторые положения современной политики США стали заметно отличаться от принятых ранее классических канонов. Не случайно Збигнев Бжезинский ныне фактически выступает как критик стратегии Дж.Буша. Несогласие с нынешним курсом Вашингтона часто выражает также ряд других представителей американского истеблишмента – Генри Киссинджер, Пол Кеннеди и другие.

Основная причина этих разногласий – на наш взгляд – заключается в том, что представители «старой» политической школы пытаются комментировать нынешнюю американскую стратегию в терминах традиционной геополитики и геоэкономики. Между тем в текущей политике США на первый план выдвинулись идеологические задачи, что вовсе не значит, что в реальной политике взятие под контроль выгодных географических позиций или решение политических проблем экономическими методами деактуализировались.

Это всего лишь означает, что наряду с упомянутыми факторами в настоящее время максимальное значение придается идеологическим задачам. Другими словами, **геоидеология** (в литературе это понятие связывают с именем немецкого геополитика Карла Хаусхофера, однако оно не подвергалось тщательному смысловому анализу) является плодом идеологизации геополитики и геоэкономики [1-3]. Характерно, что Генри Киссинджер в одной из своих последних статей, комментируя ближневосточную политику США, также приходит к выводу, что «война в Ираке мало связана с геополитикой, она, скорее, является столкновением идеологий, культур и религий» [4].

В контексте вышесказанного целесообразно принять формулировку, согласно которой «идеологию необходимо рассматривать как инструмент «легитимизации» системы целей» [5]. В глобальной стратегии Соединенных Штатов идеологические положения являются обоснованием для той или иной инициативы, что особенно явно отражается в ближневосточной политике, одним из приоритетных обоснований которой является демократизация региона. Наряду с этим идеологизированные подходы служат аргументом при осуществлении так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Подобная ситуация обусловлена в частности тем, что США окончательно сформировались как сверхимперия (по терминологии Юбера Ведрина), и политическая элита этой страны, особенно ее неоконсерваторское крыло, понимает, что без создания глобального и однородного идеологического поля невозможно представить ее доминирование в мире. В этом контексте заметим, что хотя глобализация – сравнительно новый термин (считается, что в принятом ныне смысле его применил Дж.Маклин в 1981г.), однако подобные процессы в том или ином виде постоянно имели место в истории человечества, отражая распространение по миру ценностных норм той или иной империи. В недавнем прошлом существовало два вектора глобализации: свои идеологические и экономические системы пытались внедрить во всем мире СССР и США. Победа Соединенных Штатов в Холодной войне фактически ознаменовала победу либерализма над коммунистическим мировоззрением.

Знаменательно, что, согласно американским доктринальным положениям, те страны или регионы, которые пребывают вне процессов глобализации, характеризуются как «неинтегрированные бреши». Они, согласно экспертам Пентагона, самим фактом своего существования представляют угрозу для США и подлежат ликвидации жесткими методами [6]. Такой подход предполагает, что силовому «усмирению» и дальнейшему контролю должны подвергнуться вся Африка, Балканы, Кавказ, Центральная Азия, некоторые

страны Ближнего и Среднего Востока, Северная Корея, Куба, которые не «интегрируются» в глобальное сообщество. Население этих регионов (значительная часть которого исповедует ислам) оценивается примерно в 2 млрд.

В настоящее время прилагаются все новые усилия для легализации и канонизации геополитических установок в реальной политике. Сенаторы Джо Либерман и Джон Маккейн представили Конгрессу законопроект «О прогрессе демократии», согласно которому, если какое-либо государство нарушает нормы демократии, то это угрожает национальной безопасности США. Следовательно, Соединенные Штаты обязаны восстановить демократию в этих странах. Сенатор Маккейн отметил, что «поддержку демократии и свободы нельзя отделять от задач национальной безопасности США, и если безопасность Нью-Йорка, Вашингтона или Калифорнии хотя бы частично зависит от свободы Эль-Рида, Багдада или Каира, то мы обязаны способствовать установлению там демократии и усовершенствованию общества. Это не менее важно, чем разработка новой военной техники»¹. Знаменательно, что согласно этому законопроекту при Госдепартаменте США должно быть создано управление «Демократического движения и переходного этапа», у которого в свою очередь будут отделения в американских посольствах. В общей сложности на организационную часть проекта за два года предполагается потратить примерно \$250 млн.

Инициативу сенаторов развил президент Буш. Он заявил о создании «корпуса быстрого реагирования», в задачи которого входит «помощь молодым демократиям в достижении мира и свободы...». Этот корпус будет состоять из сотрудников дипломатических и других служб, которые, по словам американского президента, могут быстро посылаться в «критические точки» в качестве «гражданских спасателей». Последние должны быть готовы в течение считанных дней осуществить программы перехода к демократии. Отметим, что по американским данным за годы президентства Буша на поддержку демократических преобразований было затрачено более \$4,6 млрд, а только на 2006г. Белый дом потребовал у Конгресса \$1,3 млрд².

Все это напоминает так называемую «Брежневскую доктрину» экспорта коммунистической идеологии и сохранения «чистоты принципов социализма». Согласно этой доктрине советские вооруженные силы, в частности, вошли в Прагу и Кабул. В этот период роль «корпуса быстрого реагирования» выполняли соответствующие отделы ЦК и спецслужб. Еще раньше большевистские лидеры Троцкий и Радек стремились организовать революции в Ев-

¹ <http://vip.lenta.ru/news/2005/05/19/democracy/>

² <http://pda.lenta.ru/news/2005/05/19/democracies/>

ропе, синтезировав разработанные Парвусом финансовые технологии с идеологией «перманентных революций» [7]. Эти «коминтерновские революции», как и осуществленная ранее революция в России, сходны по содержанию с нынешними «цветными революциями». Однако нужно учесть, что нынешние «профессиональные революционеры» действуют по более усовершенствованным и технологизированным схемам. В то же время «огосударствление» и формализация идеологии, ее использование в качестве геополитического инструмента всегда чреваты непредвиденными последствиями.

2. Нерешенные проблемы и новые вызовы

Как в прошлом, так и в настоящее время страны, пережившие революцию, стремительно меняют свои геополитические ориентации, то есть «заказчики» революции достаточно быстро достигают своих целей. Однако новые власти «революционизированных» стран вызывают своими действиями серьезные осложнения во внутренней и внешней политике, экономике и других сферах, что может вызвать кризис (как это имеет место в Грузии и Украине). Как следствие неизбежно дискредитируются те идеологические лозунги (в прошлом – коммунизм, ныне – демократия), под которыми осуществлялась революция. Можно заключить, что владение терминологией и методикой реализации геоидеологии способствует тактическим успехам США. Однако в стратегической перспективе результаты могут оказаться отрицательными не только для страны, «подвергшейся» революции, но и для страны, осуществляющей эту революцию. Вспомним, что по этой логике развивались события после советской оккупации Чехословакии и Афганистана.

Существует точка зрения, что неудачи нынешней американской стратегии являются результатом системного кризиса. Согласно американскому социологу и политологу И.Валлерстайну, крушение коммунизма вызвало также крушение либерализма как определяющей нынешний миропорядок геокультуры [8]. Это деформирование системы ценностей американский прозаик Гор Видал метко назвал «эрозией американской мечты». Геокультурное крушение оказывает негативное воздействие на такие показатели социально-экономической сферы, как наука и образование, социальное обеспечение и здравоохранение¹. По мнению некоторых экспертов, «США вступили в эпоху, когда корпоративные связи оказывают сильнейшее влияние на все ветви власти» [9]. В результате этих процессов происходит приватизация функций национального государства и ослабление этого государства, общество отделяется от политики, формируется «легальная коррупция» и другие негативные социальные явления.

¹ <http://www.inosmi.ru/translation/222155html>

Стержневое значение имели события 11 сентября 2001г. и последовавшая за ними «антитеррористическая война» (стоит отметить, что в результате последней количество терактов в мире, по данным ЦРУ, резко возросло). Как отмечает французский исследователь Э.Годд, «США, присвоив себе статус универсальной антитеррористической силы, институционализировали перманентное состояние войны в масштабе всей планеты» [10]. Подтверждение этого тезиса мы видим в реальных процессах, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии, а также в многочисленных американских документах доктринального характера, в текстах которых можно встретить выражения типа «Америка находится в состоянии войны». Очевидно, что сверхдержава стремится контролировать весь мир. Однако реализация подобной сверхзадачи требует идейных и материальных ресурсов, которых нет даже у Соединенных Штатов. Разрыв же между проектами и ресурсами, как правило, приводит к неудаче.

Монопольные устремления Вашингтона и особенно малоперспективная война в Ираке вызвали недовольство мирового сообщества, в результате антиатлантические мотивы ощущаются в политике самых разных стран. В евроцентристской части ЕС формируется политическое осознание того, что на данном этапе нужно пойти на некоторые уступки США, выжидая, пока Соединенные Штаты «сломаются» из-за экономических трудностей. Это в первую очередь касается проблем, связанных со значительным дефицитом бюджета США и ослаблением позиций доллара как международной валюты с особым статусом. Политика «цветных революций» дополнительно осложнила отношения США-Россия. Даже Канада часто отделяет себя от глобальной политики США. Например, эта страна отказалась не только от участия в иракской кампании, но и в американской противоракетной системе. Возможно, это покажется мелочью, но знаменательно, что после переизбрания президента Буша многие американцы в знак протеста покинули США и переселились в Канаду.

Американские проекты наталкиваются на растущее сопротивление и в других регионах и континентах. В результате визита главы Венесуэлы Уго Чавеса в Пекин китайцы не только осуществили около \$500 млн инвестиций в этой латиноамериканской стране (кстати, примерно столько же было выделено Кубе), но и достигли соглашения, по которому венесуэльская нефть будет поставляться Китаю за счет нефти, экспортируемой в США. В свою очередь Москва приняла решение о продаже Венесуэле автоматов и боевых вертолетов. Недавно эта страна заключила с Испанией сделку стоимостью \$2 млрд на покупку оружия. Между Ираном и Венесуэлой зарождается сотруд-

ничество, основу которого составляет антиамериканизм. Прорисовываются также другие, несколько экзотичные политические форматы сотрудничества между арабским миром и латиноамериканскими государствами [11]. Все это всерьез обеспокоило администрацию Буша: Кондолиза Райс выступила с соответствующим заявлением и обвинила власти латиноамериканских стран в «социалистических» тенденциях. Получили «свое» и арабские правители.

Обобщая латиноамериканскую тему, можно заключить, что основную поддержку происходящим на этом материке развитиям оказывают Китай и Россия, причем первый – в экономической, а вторая – в военной сфере. Похоже, та же схема действует и в других регионах. Известно, что Китай на сегодня – один из главных экономических партнеров Ирана. В свою очередь Россия поставляет этой стране ядерные и ракетные технологии.

Из вышеприведенных беглых наблюдений следует, что США начали нести быть может не очень крупные, но многочисленные политические и экономические убытки. Как отмечает один из американских аналитиков, «У США остается меньше друзей и появится больше врагов» [12]. Вместе с тем, очевидно, что стратегическая инициатива США будет доминировать до тех пор, пока не сформируется сила, равноценная США по своим концептуальным и материальным ресурсам. Многие справедливо полагают, что центром подобной силы может стать только Китай.

3. Китай: альтернативная сверхдержава

Американские аналитики часто подчеркивают, что Китай набирает силу не для того, чтобы интегрироваться в глобальную политическую и экономическую систему, а наоборот – чтобы изменить эту систему. Безусловно, подобное изменение в первую очередь повлияет на особый статус США, и американская политическая элита справедливо воспринимает усиление Китая как вызов. В частности, об этом свидетельствует возрастающее число исследовательских и публицистических материалов о Китае, в которых можно встретить самые разнообразные проекты, направленные на ограничение мощи этой страны. Некоторые аналитики считают, что отношения США-КНР можно охарактеризовать как «холодную войну» и что недалек тот день, когда «холодная» война может стать вполне «горячей».

Тот факт, что на сегодня США и КНР – самые конкурентоспособные державы, обусловлен тем, что оба эти государства действуют системно и опираются на собственные идеологические и концептуальные положения. Примечательно, что современные философии глобальной стратегии этих двух стран в некоторых существенных аспектах достаточно близки. Они в

значительной степени опираются на тезисы традиционной, однако обладающей универсальным характером китайской стратегии, разработанной в 5-6 веках до н.э. Сун-Цзы и его последователями [13]. Известно, что эту стратегию спецслужбы США начали применять по инициативе Алена Даллеса, а в дальнейшем «китайские мотивы» были внедрены также в технологии информационных войн. Знаменательно, что в недавно разработанной концепции под названием «Стратегия национальной безопасности США»¹ признается, что современные политические процессы содержат в себе много неопределенности, что затрудняет даже краткосрочные прогнозы и принуждает реализаторов стратегии к большой гибкости. Эти тезисы американских стратегов во многом совпадают с положениями стратегии Сун-Цзы.

Китайские концепции информационной и психологической войн также опираются на традиционные представления, и Китай достиг значительных успехов в данной сфере. Это проявляется, в частности, в широком распространении китайского боевого искусства и кинобоевиков, в которых наилучшим образом представляется положительный образ китайца и пропагандируется китайская система ценностей. Неудивительно, что, несмотря на усилия некоторых СМИ, обладающих международным авторитетом, им не удалось создать Китаю имидж страны, представляющей опасность для международного сообщества. Более того, на сегодня имиджевый рейтинг этой державы выше, чем у США. Например, в Великобритании к Китаю положительно относятся 65% опрошенных, между тем в отношении США эта цифра составляет всего 55%. Во Франции, Испании и Голландии к Китаю положительно относятся примерно 55-60% опрошенных, а к США – всего 40-45%. В исламском мире эта разница еще значительнее. Таким образом, в том сегменте глобального информационного поля, где формируется отношение международного сообщества к той или иной стране, инициатива принадлежит Китаю.

В современном Китае традиционное мировоззрение проявляется не только в политике или военном деле, но практически во всех областях жизнедеятельности. Можно констатировать, что опирающийся на традиции современный Китай напоминает мощные империи своего исторического прошлого, в которых были изобретены бумага, книгопечатанье, порох и ракеты.

КНР – социалистическая страна, однако в ее идеологии коммунистические идеи сочетаются с традиционными представлениями (как говорил Ден Сяопин, «социализм с национальной спецификой»). Таким образом формируется достаточно жизнеспособная система, обладающая элементами, характерными для военно-экономически «мобилизованного» государства, национального общества социальной направленности [14].

¹ National Defense Strategy of the United States of America, http://globalsecurity.org/military/library/policy/dod/nds-usa_mar2005_i.htm

Для нынешней стратегии Китая характерен определенный дуализм: одновременно принимаются тезисы и о революционном отрицании прошлого и о незыблемом сохранении традиций. Подобные концептуальные подходы схожи с англосаксонской политической традицией. В этом контексте также заслуживает внимания тот факт, что в последнее время набирает силу «неоконсервативная» часть китайской элиты, которая видит в Китае сверхдержаву и противовес США [15]. В связи с этим нелишне вспомнить, что согласно принятой в 1993г. Военным советом ЦК Компартии КНР доктрине, к 2019г. Китай победит «три севера», под которыми подразумевались НАТО, Россия и Соединенные Штаты.

Современная китайская система, которую иногда определяют как «красное конфуцианство», фактически представляет собой воплощение идеологии без догматических формулировок – она является некой гибкой методологией, диктующей в разных ситуациях адекватные решения. Это также напоминает англосаксонскую традицию.

В то же время между американским и китайским подходами, как нам кажется, есть принципиальное отличие: китайская политическая философия рассматривает политические процессы и развития в практически неограниченном временном пространстве. Известная поговорка о том, что «если долго сидеть на берегу реки, то вода вынесет к тебе труп твоего врага», наилучшим образом демонстрирует представления китайцев о времени и действиях. Между тем в западной политической культуре временные координаты действия четко определены и ограничены. Более того, принятая в США гиперпревентивная доктрина предполагает «опережать» время и, тем самым, уже сегодня формировать будущее.

Материальным выражением китайской идеологии являются экономические достижения КНР. По данным Всемирного банка, экономическая система этой страны по своим масштабам уступает только США. ВВП КНР, если расчеты проводятся с учетом реальной покупательской способности юаня, уже достигает \$7 триллионов (показатель США – \$10,5 трл, следующие места занимают Япония, Индия и только потом Германия, Франция и на десятом месте, с показателем \$1,3 трл, Россия). Однако население КНР (составляющее не менее 1,3 млрд человек) не очень богато: годовой доход на душу населения составляет примерно \$4 500, между тем в США этот показатель достигает \$34 000. Однако, согласно расчетам¹, через 20 лет демонстрирующая примерно 8-10% ежегодный рост китайская экономика (в США средний рост составляет 3%) будет уступать США по параметру дохода на душу населения

¹ Ольга Власова, Владимир Попов, Алексей Хазбиев, Великий поход, Эксперт, #25, 2005, с. 15.

всего в два раза, а ее абсолютный ВВП превысит американский показатель. По объему прямых инвестиций – \$53 млрд – Китай уже теперь занимает первое место, обойдя США и Германию. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), крупнейшим инвестором в Китае являются США, а третье место (со стороны это может показаться странным) принадлежит Тайваню.

В Китае стремительно развиваются передовые технологии и наукоемкие производства. Еще в начале 80-х стартовали 10 крупных научно-технических целевых программ, и в настоящее время в КНР действует 23 000 институтов, работают 1,5 млн научных сотрудников и инженеров, что в абсолютных цифрах является высшим показателем в мире. За последние 20 лет финансирование науки увеличилось более чем в 8 раз, а затраты в сфере информационных и коммуникационных технологий составляют 5% ВВП.

В настоящее время значительный сегмент экономики Юго-Восточной Азии (ЮВА) контролируется крупными китайскими компаниями, а экономическая элита этих стран учит китайский язык (например, в Южной Корее почти все образованные люди читают китайские иероглифы). Не случайно в информационном поле появились сведения о том, что в ЮВА может быть принята единая валюта – юань.

Основной проблемой китайской экономики является энергетический фактор. Ежедневно производя 3,6 млн баррелей собственной нефти, Китай потребляет более 6,5 млн баррелей (для сравнения: те же показатели в США составляют соответственно 8,7 и 20,5 млн баррелей). По данным *International Energy Agency*, для обеспечения роста производства в 2010г. импорт нефти должен удвоиться, а в 2030г. Китай будет ежедневно потреблять до 10 млн баррелей нефти, то есть примерно столько, сколько сегодня импортируют США. В этом контексте чрезвычайно важное значение приобретают отношения с Россией, Казахстаном и Ираном. С последним в 2004г. были заключены договора, по которым КНР в течение 30 лет должна закупить у Ирана 2502 млн т жидкого газа, а импорт нефти довести до 150 тысяч баррелей в день. Сегодня Китай по показателю товарооборота стал одним из важнейших экономических партнеров Ирана.

Динамично развивается военная сфера, где расходы ежегодно увеличиваются на 12-15%, и военный бюджет 2005г., согласно произведенным по определенной методике расчетам, уже может составить \$90 млрд¹. Оценки ядерного потенциала Китая чрезвычайно разноречивы (упоминаются, в частности, баллистические ракеты, обладающие от 400 до 600 ядерных боеголо-

¹ The Military Power of the People's Republic of China, (Annual Report to Congress), 2005, p. 22.

вок). Подобный разброс данных, касающихся военной сферы, обусловлен китайской системой защиты информации, согласно которой «тайна сама по себе является угрозой» [16]. Характерно, что если в прошлом китайцы закупали слегка устаревшие модели российского оружия, то сегодня они требуют самые современные системы. В настоящее время китайцы стремятся снять вето России и ЕС о продаже современных вооружений Китаю и преодолеть противодействие США в этом вопросе¹.

С начала 2000г. в дипломатических кругах и исследовательских центрах стран ЮВА обсуждается возможность создания «Азиатского НАТО», участниками которого могут стать КНР, Япония, Северная и Южная Кореи. В соответствии с политическими традициями этого региона и сегодняшними реалиями, в качестве «старшего брата» в этой системе должен выступить Китай [17]. Такое, пока теоретически возможное развитие, может демонтировать созданную США нынешнюю региональную структуру безопасности, в которой баланс сил сохраняется за счет противоречий между странами.

Между тем геополитические проекты Китая выходят за пределы региона ЮВА и в этом контексте важное значение приобретают его отношения с Россией.

4. Новый «Новый миропорядок» и ШОС

Известно, что между Россией и Китаем существует много нерешенных проблем. Еще по Пекинскому договору 1860г. Россия, пользуясь поражением, нанесенным Китаю англичанами в «опиумной» войне, присоединила к своей империи Уссурийский край и другие территории, общая площадь которых оценивается китайцами примерно в 1,5 млн кв. м. В свое время эту проблему реанимировал Мао Цзэдун, что и стало в конце 60-х годов причиной вооруженных столкновений СССР-КНР вокруг острова Даманска. В дальнейшем Ден Сяопинь уговорил китайцев забыть проблему утраченных территорий.

В ходе состоявшегося в этом году визита президента Путина в Пекин стороны заявили об урегулировании всех территориальных споров, хотя территориальные проблемы, как известно, долго остаются в народной памяти. Однако создается впечатление, что стороны понимают, что современные проблемы, особенно известная политика США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, актуальнее исторического прошлого. Реалии напрямую диктуют и подталкивают КНР и Россию к тесному сотрудничеству [18]. Эта тенденция особенно наглядно представлена в подписанном 1 июля с.г. документе под названием «Совместная декларация РФ и КНР о международном

¹ Китайские колокольчики в головах европейских политиков, Vip.lenta.ru, 09.03.2005

миропорядке в 21 веке»¹. Впервые после окончания Холодной войны появился прецедент, когда две крупные державы совместно и прямо заявляют о своем несогласии с политической идеологией США. Появление Декларации может иметь важное значение для дальнейшего развития глобальных политических процессов и, в частности, свидетельствует о том, что:

- Политика США в Евразии вошла в фазу, когда она стала представлять реальный вызов РФ и КНР. Данное обстоятельство вынуждает русских и китайцев объединить свои ресурсы.
- Отношения между РФ и КНР вступили в новый этап, для которого характерны высокая степень взаимного доверия и стратегическое партнерство: об этом свидетельствует нарастающий объем сотрудничества двух стран в экономической и военно-технической областях.
- Главы двух стран считают, что уже обладают достаточным стратегическим и экономическим потенциалом, чтобы суметь противостоять монополии США.

Анализ содержания Декларации позволяет понять те принципы, которыми собираются руководствоваться стороны для достижения своих целей:

1. Согласно документу, современная глобализация должна привести к интеграции экономических и информационных плоскостей, однако эти процессы не должны мешать формированию многополярного мира. Таким образом, фиксируется принципиальное несогласие с американской концепцией однополярного мира.
2. Стороны выступают как сторонники соблюдения международного права и подтверждают право народов на выбор собственного пути развития. То есть они выступают против того американского принципа, согласно которому у всех стран должен быть универсальный, однотипный путь развития.
3. Подчеркивается важность ООН и ее незаменимость в международных делах, тем самым отвергается американская стратегия, направленная на девальвацию роли ООН. Выражается особое отношение к американской концепции «конфликта цивилизаций».
4. Отмечается необходимость предотвращения применения и распространения оружия массового поражения. Этот тезис косвенно направлен против существующего положения вещей, когда США до сих пор не подписали конвенции, запрещающие применение химического и биологического оружия, и разрабатывают программы «локального» использования ядерного оружия.

¹ http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/968AE14D450C2FEFC3257032003B3AE1

5. В Декларации уделяется особое внимание проблемам «региональных блоков» и региональной интеграции в целом, как бы фиксируя известную политику США, направленную на предотвращение возникновения союзнических отношений между другими державами. Тем самым подчеркивается важность нынешних процессов по налаживанию стратегического партнерства между Китаем и Россией.
6. Проблема защиты прав человека представляется в контексте признания суверенитета государств. Этот тезис, очевидно, также содержит в себя критику Соединенных Штатов. Уместно отметить, что ежегодно КНР (так же, как это делает Госдепартамент США) публикует специальный бюллетень, где приводятся и комментируются факты нарушения прав человека в США.

Несомненно, что вся логика Декларации направлена против американских подходов. Знаменательно, что документ обобщает вывод, согласно которому подписанная Декларация отражает представления сторон о «Новом миропорядке».

За подписанием Декларации последовал саммит ШОС в Астане, где было объявлено о том, что Иран, Индия и Пакистан получили статус наблюдателя в этой организации. Отметим, что вопрос участия Индии и Пакистана обсуждался еще с 2002г. Тогда экспертное сообщество (учитывая их напряженные, подчас на грани войны отношения) довольно скептически отнеслось к возможному участию этих стран в ШОС, однако позднее наметилась тенденция к смягчению позиций сторон по Кашмиру. Безусловно, Пакистан тесно связан с США, однако эта страна также активно сотрудничает с КНР (как минимум в прошлом они сотрудничали в сфере ядерных технологий).

Китай установил активные политико-экономические связи со всеми странами-членами ШОС. Особого внимания заслуживают ее отношения с Казахстаном – страной, претендующей на превращение в региональную державу. В преддверии саммита ШОС Назарбаев и Ху Цзинтао подписали договор о строительстве связывающей Казахстан с Китаем железной дороги протяженностью примерно 3000 км и стоимостью \$2,5 млрд.

Таким образом можно констатировать, что в ШОС с тем или иным статусом сосредоточены 5 ядерных держав (возможности ядерного потенциала Ирана на сегодня не вызывают сомнения). Расширение ШОС, кроме всего прочего, свидетельствует об определенном разочаровании в США со стороны крупных евразийских держав. Они пытаются решать региональные проблемы без посредников, самостоятельно или совместно с соседями. Именно в

этом контексте нужно воспринимать вошедший в резолюцию саммита в Астане пункт, согласно которому территория стран–членов ШОС до 2020г. должна стать зоной свободной транспортировки товаров и услуг. В дополнение к этому было решено, что члены ШОС в чрезвычайных ситуациях должны будут открывать друг для друга свои государственные границы.

Подобная активность ШОС в значительной мере обусловлена тем «посланием», которое получили страны–члены этой организации от «революционной» смуты в узбекском Андижане. Они убедились, что пассивная позиция может поставить под серьезную угрозу национальную безопасность и даже суверенитет их стран. Очевидно также, что в случае реализации программ по установлению власти радикальных исламистов, тот же Узбекистан может резко скатиться со своего нынешнего уровня. Возможно, поэтому события в Узбекистане и отличались от прежних «революционных» сценариев.

Президент Каримов после жестокого подавления андижанского мятежа незамедлительно отбыл в Пекин, а затем и в Москву. В этих столицах ему пообещали экономическую и политическую поддержку. Полученные гарантии позволили президенту Узбекистана изменить свою позицию в отношениях с американцами. Каримов более чем жестко отреагировал на угрозу США представить расследование андижанских событий в ООН. Для начала были существенно ограничены летные возможности американской авиации на авиабазе в Карши-Ханабаде. Затем США было предложено в сжатые сроки вообще покинуть Карши-Ханабад. Было подчеркнуто, что правительство Узбекистана возместит американцам убытки. В настоящее время в информационном поле то и дело появляются сведения и опровержения о том, что уже покинувших авиабазу американцев может заменить некая антитеррористическая структура, подчиненная ШОС¹. В любом случае, решительные шаги Каримова связаны с позицией России и Китая и свидетельствуют о том, что эти страны готовы предпринимать и предпринимают адекватные меры для противодействия политике США. Все перечисленные обстоятельства в той или иной степени сказались на позициях по отношению к США и других стран региона – в первую очередь Киргизии и Таджикистана.

Таким образом, можно констатировать, что впервые на постсоветском пространстве Китай и Россия совместно вступили в явное соперничество с Соединенными Штатами, и это соперничество завершилось не в пользу США. В Центральной Азии наступила очередная, в известном смысле переходная фаза продолжающейся с 19 века «Большой игры», исход которой на

¹ В.Иванов, И.Плутарев, Бросок Москвы в Ханабад, НВО, 09.09.2005, http://nvo.ng.ru/printed/forces/2005-09-09/1_brosok.html

данном этапе корректно прогнозировать пока рано (см., например, [19]). Вместе с тем, сам формат ШОС и взаимоотношения между ее лидерами – Китаем и Россией, стремительно развиваются. Об этом свидетельствуют, в частности, российско-китайские и российско-индийские военные учения. Эти учения, как и предшествующие им многоэтапные и многоцелевые маневры вооруженных сил России, представляют собой некое послание США в ответ их глобальным геополитическим проектам в Евразии¹.

Некоторые выводы

Мы не ставили перед собой задачу детально сопоставить ресурсы США и КНР, а попытались вкратце представить те реалии и возможные тенденции развития, в том числе в сфере идеологии, которые характеризуют этих геополитических гигантов на нынешнем конкурентном пространстве. В случае сохранения отмеченных тенденций, нынешнее несколько аморфное, «квази-монополярное» переходное состояние завершится ситуацией, в которой будут присутствовать по меньшей мере два близких по своему совокупному потенциалу центра силы. Есть все основания полагать, что в подобной биполярной системе, контуры которой уже просматриваются, не повторятся «черно-белые» отношения СССР-США, но будут присутствовать многие другие конкуренты со своими идеологическими, геополитическими и экономическими интересами. Подобная «многоцентровая игра» увеличивает вероятность процессов нелинейного характера, что делает бесполезной экстраполяцию тенденций в перспективе [20].

Возвращаясь же к нынешнему «переходному состоянию», попытаемся вкратце просуммировать те факторы, которые могут оказать воздействие на дальнейшие развития.

Сегодня в глобальном политическом поле на первый план выходят идеологические составляющие. Их конкурентоспособность и жизнеспособность существенно определяют статус того или иного геополитического актора. Формализация установок американского либерализма, как свидетельствует опыт СССР, заметно дискредитирует эту идеологическую систему. Китайская идеология, где революционно-коммунистические идеи совмещены с традиционными национальными представлениями, в настоящее время видится более гибкой и конкурентоспособной. Пока эта идеология не «экспортится» и не навязывается их партнерам и конкурентам, что является дополнительной защитой ее конкурентоспособности. Упомянутые факторы должны иметь решающее значение в процессе формирования – согласно терминологии российско-китайской Декларации – Нового миропорядка.

¹ Виктор Мясников, Сергей Иванов опробует свою доктрину, Независимая газета, 17.08.2005, http://www.ng.ru/printed/politics/2005-08-17/3_ivanov.html

Между тем следует учесть, что:

- Нынешнее переходное состояние характеризуется отсутствием четких геополитических осей и союзов. При переходе к мультиполярной системе можно ожидать не тотальной, но определенной кристаллизации в этой сфере. К этому стремится КНР, активизирующая формат ШОС в Евразии и теоретически стремящаяся сформировать «Азиатское НАТО» в ЮВА. К этому же стремятся адекватно оценивающие ограниченность своих ресурсов США, пытаясь восстановить полноценное сотрудничество с европейскими странами и НАТО¹. Подобные развития могут поставить перед сложной дилеммой те небольшие государства (например, Республику Армения), которые в настоящее время пытаются, исходя из своих национальных интересов, вести комплементарную политику.
- Существует пусть небольшая, но конечная вероятность того, что неблагоприятные для США тенденции могут спровоцировать их на применение жестких, силовых акций (например, в отношении Ирана) ради сохранения своих доминирующих позиций. При таком сценарии США постараются сделать это в то время, пока конкуренты не достигли той точки невозврата увеличения своей мощи, после которой силовое пресечение нежелательных развитий станет неприемлемым. Возможность такого теоретического сценария укладывается в «гиперпревентивную» доктрину Соединенных Штатов [3, 21].

Ноябрь, 2005г.

Источники и литература

1. Гагик Тер-Арутюнянц, Холодная война – 2 (с геоидеологической перспективой), Голос Армении, 05.12.2003, *Գաղիկ Տեր-Հարությունյան, Աշխարհաքաղաքականությունից դեպի աշխարհագրափարախոսություն, Հանրապետական, #3 (23), 2005, էջ 28, (Гагик Тер-Арутюнян, От геополитики к геоидеологии, Республиканец, #3 (23), 2005, с. 28).*
2. Тихонравов Ю.В., Геополитика. М., 2000, с. 267.
3. *Գաղիկ Հարությունյան, ԱՄՆ ուսման արտաքին քաղաքականության որոշ դրույթներ Իրաքյան հիմնախնդրի համատեքստում, 21 Դար, #3 (5), 2004, էջ 105, (Гагик Арутюнян, Некоторые положения американской стратегии в контексте иракской проблемы, 21-й Век, #3 (5), 2005, с. 28).*
4. *Генри Киссинджер, Уроки для стратегии ухода США из Ирака, The Washington Post, 12.05.2005, (ИноСМИ.Ru).*

¹ Владимир Иванов, Пентагон вырабатывает матрицу угроз, НВО, 03.06.2005; http://nvo.ng.ru/wars/2005-06-03/2_pentagon.html, Владимир Ванин, Удобное прикрытие для Пентагона, НВО, 16.09.2005; http://www.ng.ru/printed/nvo/2005-09-16/9_prikrytie.html

5. *Куликова Н.В.*, Моделирование идеологий как инструмент геополитического управления, Труды Первой Всероссийской конференции «Геополитическое будущее России», М., 2003, с. 151.
6. *Сергей Гриняев*, Поле битвы – киберпространство, Минск, 2004.
7. *Элизабет Хереш*, Купленная революция. Тайное дело Парвуса, М., 2004.
8. *Иммануэль Валлерстайн*, После либерализма, М., 2003, с. 6.
9. *Олег Храбрый*, Американский ревизор, Эксперт, #14, 2005, с. 86.
10. *Эмманюэль Тодд*, После империи, М., 2004, с. 9.
11. *Михаил Чернов*, Латиноамериканцы бросают вызов США, RBC daily, 09.03. 2005; *Михаил Зыгарь*, Объединенные американские эмираты, Власть, #19, 2005, с. 50.
12. *Роберт Кеннеди*, У США остается меньше друзей и появится больше врагов, Международная жизнь, #7-8, 2005, с. 129; *Херд Грейм*, Причины и последствия стратегического поражения в Афганистане и Ираке, Исследовательский центр конфликтологии, г. Сандхерст, 2004.
13. Китайская военная стратегия, М., 2002, с. 118.
14. *Малявин В.В.*, Китайская цивилизация, М., 2003, с. 608.
15. Китай: угрозы, риски, вызовы развития, Московский центр Карнеги, 2005, с. 363, (электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>).
16. *Девятов А., Мартиросян М.*, Китайский прорыв и уроки для России, М., 2002, с. 187.
17. *Генри Киссинджер*, Нужна ли Америке внешняя политика: к дипломатии для XXI века, М., 2002.
18. *Гагик Тер-Арутюнянц*, Алеет Восток?, Византийское наследство, #6, 2005, с. 23; см. также <http://www.noravank.am/?l=2&d=19&f=149>
19. Винсен де Китслоттер, Большая игра в Центральной Азии, Ядерный контроль, #1, 2005, с. 81.
20. *Рачья Арзуманян*, Нелинейная природа войны, 21-й Век, #1, 2005, с. 109.
21. *Владимир Иванов, Игорь Плутарев*, Вашингтон всех достанет, НВО, 20.09.2005, http://nvo.ng.ru/printed/forces/2005-09-16/3_washington.html

TRANSITIONAL CONDITION Geopolitical factor in global developments

Gagik Harutyunyan

Resume

A certain dynamic balance has been established among indisputable military-political leader – the United States and the other geopolitical actors resisting their unilateral strategy. Thus, we may characterize this period as transitional. The US

current policy analysis denotes that the now dominant geo-ideological vector is steadily taking a higher profile as opposed to traditional geopolitical and geo-economic approaches. This kind of geo-ideological proclivity becomes especially apparent in realization of “color revolutions project”. This “revolutionary” geopolitics recalls what was happening during the Soviet period and generally known as a “Brezhnev doctrine”, and even earlier, in the era of realization of international communist movement to export permanent revolutions. Yet, the US is in period of formalization and *governmentalisation* of the ideological patterns, as it used to be in the case of former USSR. Such an analogy, along with the outcomes of “color revolutions” in post Soviet space and the growth of Anti-Americanism in the world, obviously points to the crisis trends in the US global policy.

It is supposed that China is a possible rival to the American superpower today. Chinese development dynamics is very impetuous, and, which is essentially much more important, the algorithm of Chinese ideological patterns still looks more flexible and viable. The formation of Russia-China strategic partnership in the context of Shanghai cooperation organization (SCO), joint declaration of alternative principles in global policy is a claim to construct a world order based on bipolar system, at minimum. Besides, it is supposed that such a system will not duplicate the Cold War’s “black and white” bipolar world. It’s more likely that here will be represented different vectors of ideological, political and economic character. Anyway, such a world-order will imply a more polarized system of interstate relationships. At the same time, today’s transitional condition, together with the general ideologized political setting, raises the possibility of non-linear developments taking the form of military conflicts. The probability of such a scenario particularly corresponds to the USA hyper-preventive doctrine.